

**КАРТЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО АТЛАСА
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ КАК ИСТОЧНИК
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Т.М. Малыхина

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры спецметодик и русского языка
e-mail: etnolingv@mail.ru*

Л.Е. Писарева

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры спецметодик и русского языка
e-mail: etnolingv@mail.ru*

Курский государственный университет

Авторы статьи показывают, что работа над созданием карт Лексического атласа русских народных говоров предполагает глубокое погружение в этимологию анализируемых лексем, возникает уникальная возможность прикоснуться к истории русского языка, так как именно в народных говорах сохранилось то, что было утрачено в литературном языке.

Ключевые слова: *этимология, этнолингвистические исследования, мотивационные связи, процесс деэтимологизации*

Диалектное слово находится в неразрывной связи с самобытностью народа, его национальной культурой. Карты Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) показывают в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров: лексические и семантические различия в организации тематических групп слов, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования. При работе над созданием лексических карт ЛАРНГ появляется уникальная возможность прикоснуться к истории русского языка, раскрыть этимологию многих лексем, зафиксированных в записях живых народных говоров.

Так, например, в «Программе Лексического атласа русских народных говоров» в разделе «Материальная культура» есть семантический вопрос № 16146: употребляются ли слова ***голбец, голбик, голбчик, голубец, голубица, гобец, гобчик*** в значениях: 1) пристройка русской печи вроде лежанки; 2) вход в подполье; 3) подполье;

4) могильный памятник в виде креста с кровлей на два ската? [Лексический атлас русских народных говоров 2004: 261].

Обилие примеров из памятников письменности и записей народных говоров свидетельствует о широком распространении слова **голубец** (**голобец**, **голбец**, **гобец**, **гобчик**, **голбчик**): *Куды нам старикам о маслинеце гулять? Мы вот катамся с полатей, да на голбец, а с голбца да на печь. Спать на печи жарко, спустись на голбец.* Перм. Вят., Волог., Арх., Новг., Твер. *Дедушка то на голбце спит. Отнеси-ко подушку-ту на голбец.* Костром. Тамб., Южн. р-ны Краснояр. Том., Кемер. ('деревянная пристройка к печи вроде полатей, под которой сделан вход в подполье'); *Где человека-то убитого нашли, там гобчик поставили.* Ряз. *Вот уже годов пятьдесят гобцов (голубцов, деревянных памятников) на могилах не ставят.* Нижнеуд. Иркут. ('деревянный памятник на могиле в виде избушки, крест-часовенка на дороге, за деревней'); *Прядет она, вздремнула и уронила клубок с веретенцем в голбец.* Волог. *Западня была открыта, сам влетел в голбец.* Свердл. Курган. *Картошку-ту в голбец сынам, не мерзнет.* Курган. *Подполье голбцем* называем и счас ишо. Костром., Новг., Арх. ('яма под домом, подполье'). [Словарь русских народных говоров 2002: 6:252: 285-286].

В фондах Госархива Курской области сохранилась легенда о **голубце**: «В давние времена на этом месте происходила битва с татарами и **черепя** убитых воинов валялись непогребенными. И вот результатом этого явились частые появления мертвых **голов** окрестным жителям. В особенности они тревожили пастухов по ночам, разгоняя их скот во все стороны. Напуганные жители обратились к местному священнику с просьбой похоронить **черепя** и отслужить панихиду, что и было исполнено при огромном стечении народа, и был поставлен "**голубец**" на могиле. С тех пор, гласит предание, видения исчезли и более не показывались. Приходивший в ветхость **голубец** регулярно обновлялся» [Зорин 2002: 106].

Интересно также описание памятника «**Голубец**» Н.И. Златоверховниковым, краеведом, общественным деятелем Курской губернии: «Близъ села Красной Поляны, Щигровскаго уѣзда, на полпути отъ этого села къ Муромскому Шляху, на красивомъ возвышенномъ мѣстѣ, поставленъ «**Голубецъ**» – дубовый столбъ высотой въ 5 аршинъ съ обитой желѣзомъ верхушкой, къ которому ежегодно, 8 мая, приносятся крестьянами иконы и служатся молебны о ниспосланіи дождя и панихиды по умершимъ. Мѣсто подъ **голубцомъ** называется побоище, и это въ связи съ названіями близъ лежащихъ мѣстъ («Становое», «Ханская дорога»), по мнѣнію г. Трубникова, даетъ основание предполагать, что эта мѣстность была нѣкогда ареной историческихъ событій. Старожилы находили здѣсь старинныя копья, а при рытьѣ ямы для **голубца** рабочіе наткнулись на массу человеческихъ костей и **череповъ** красноватаго цвета; на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ были заметны

повреждения «порубы» от какого-либо орудия» [Губернские ведомости 1901: № 110].

В своей монографии «К вопросу о русалках» Д.К. Зеленин описывает уникальный поминальный обряд крестьян Курской губернии – **«голубец»** на Красной поляне, зафиксированный курским помещиком, историком, этнографом-любителем, членом Курской губернской ученой архивной комиссии Р.Л. Марковым: «это развилочный отрубок дерева, стоящий развилками кверху и покрытый вверху кровелькою. До недавнего сравнительно времени под этою кровлею, в развилочках **голубца**, лежала **голова** убитого великана. По преданию, в этой местности происходила битва русских с ногайцами; в этой битве со стороны ногайцев выступил великан выдающейся силы, побивший весьма многих курян. Наконец, ногайский богатырь был повержен наземь удачным выстрелом из огромного кремневого ружья, и ему тогда же отрубили голову. После битвы обезглавленный труп богатыря был сброшен и затоптан в близлежащую трясину (жидкое и зыбучее болото), а для головы его устроили описанный выше **голубец** [Зеленин 1994: 259-260].

С этою **головой** убитого великана происходили потом своеобразные народные обряды: голову богатыря, погребенную особо, катали вокруг памятника, поставленного на месте смерти убитого. В объяснение этого странного обряда народное воображение создало такую легенду: «Когда **голова** ногайского исполина была отрублена в Безголовном Верху, тело исполина само собою поднялось с земли и, став на ноги, долго простояло средь лога без головы, между тем "с пивной котел его **голова** каталась вокруг него, блекоча что-то непонятное». Катая **голову** убитого вокруг памятника, куряне образуют тем самым магический круг около места смерти заложного покойника: последний не должен переходить за черту этого круга». [Зеленин 1995: 38].

Д.К. Зеленин далее отмечает, что «в старое время у нас особенным образом погребали людей, умиравших несчастными и внезапными смертями: удавленников, утопленников, замерзших, вообще самоубийц и умиравших *одновременно* на дорогах и на полях. Их не отпевали и не клали на кладбищах при церквях, а неотпетых отвозили на так называемые убогие дома. Эти убогие дома были не что иное как большие **глубокие ямы**, иногда имевшие над собой «молитвенные храмы», попросту сараи. В эти ямы клали и бросали тела и оставляли их *незасыпанными* до 7 четверга по Пасхе или до Семика. В этот последний посылались священники отпеть общую панихиду. После панихиды засыпали яму с телами и выкапывали новую. При этом способе заложных и не отпевали, но и не закапывали в свое время в землю, а оставляли на поверхности земли (вплоть до Семика, т.е. иногда в продолжение целого года), как того и требовал народный обычай. Мы понимаем термин «заложные» в смысле: заложённые, закладённые досками или кольями («отыняем колием» Максима Грека), в

отличие от зарытых в землю, собственно похороненных» [Зеленин 1994: 249-251].

Особому контролю со стороны местного князя подлежали места захоронений. К таковым относились: непосредственно кладбища, на которых происходили захоронения общинников, умерших «хорошей» смертью; около кладбищенские места, где хоронили общинников, умерших «не хорошей» смертью: детей, не достигших сроков взросления, не крещеных детей, детей не получивших имён, беременных женщин и т.д.; иные места захоронений, так называемые места захоронения «заложных» мертвяков: чужеземцы; умершие любым видом смерти; общинники из «своих», умершие «неестественной» смертью (утопленники, задавленные упавшим деревом, задранные медведем, убитые молнией, умершие от пьянства и иные случаи). Особенностью этих захоронений было отсутствие земляного покрова над трупами. Считалось, что земля чиста по своей природе и не потерпит уложению в неё ничего нечистого. В связи с этим, умерших нехорошей смертью, нечистых и людей с непонятной судьбой в землю не хоронили, а укладывали в земляные «трещины» и сверху забрасывали ветками. Естественно, ветками не простыми, а сорванными (не срубленными) с особых деревьев. Эти породы деревьев обладали своего рода «всасывающими» способностями, т.е. они были способны «задерживать» душу умершего. К таковым деревьям в славянском ареале расселения относились ель, осина, тополь. Над подобными местами возводилось небольшое ветхое сооружение, которое должно было сигнализировать проходящим об особом статусе данного места. Проходящие, во избежание внимания со стороны неупокоенного мертвяка, должны были проявить к нему внимание, почтив прочтением краткой молитвы и уложением на его могилу веточки или камня. Благодаря подобному подходу, особенно на перекрёстках дорог, со временем подобные места разрастались в небольшие горочки, целиком состоящие из камней, веток и разного мусора. Нарушение правил упокоения, выражавшееся захоронением в земле «нечистого», приводило (по мнению наших предков) к гневным действиям со стороны природы (ураганы, наводнения, заморозки, засухи и т.п.). Кроме наблюдения за тишиной и покоем этих мест, князь предстоял (т.е. стоял первым) общине во время «кормления» общинниками «неупокоенных» душ. В религиозной практике существовало убеждение, что, не имея возможности помочь упокоению этих душ, следует время от времени (в особые поминальные дни) кормить их. Дабы избежать ненужного «внимания» с их стороны. Считалось, что «уж лучше мы покормим их, чем они сами придут к нам и возьмут своё [Медведьев 2007: 18].

Обратимся к этимологии лексемы *голубец*.

А.Г. Преображенский считает, что лексема *голубец* заимствована из германского: др.-сев. *golb* 'пол, отделение'; швед. *golb* 'пол, отделение', дат. *golv* [Преображенский 1959: I: 13].

В Этимологическом словаре славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева отмечено: «**golva*: ст.сл. *глава*, диал. *гла́ва*, ст. чешск. *hlava* «голова», «убийство», «штраф за убийство», др. русск. *голова* «голова», «верх», «убитый». Наиболее вероятное дальнейшее осмысление **gholu* – «голова» и установлении его родственной связи с и.-е. *ghelu* – «черепаха», сюда же праслав. *žely*, выступающее не только в значении «черепаха», наиболее веском типологически, ср. русск. *черепа* – черепаха, лат. *testo* – *testudo*, но и в значении «шишка, опухоль». В принципе это объяснение уже содержится у Р. Брандта РФВ XXII, 1889, 122, см. Преобр. I, 140; Фасмер I, 429. Родство названий черепахи, шишки и названия головы хорошо показывает экспрессивный инновационный характер этого последнего (и.-е. диал.) слова» [Этимологический словарь славянских языков 1974: I: 221-222].

Рассмотрим значения в слов *голгофа* и *головицина* в Полном церковно-славянском словаре: «*голгофа* – лобное место близ города Иерусалим, на западной стороне, на котором Иисус Христос был распят. По мнению учителей церковных называется лобное потому, что там погребен Адам, и *лоб* его (сравни *лобное место* в Москве), т.е. *глава* освятилась кровию господней. А иные этому названию дают такое объяснение, что на этом месте валялись *черепа* и кости казненных злодеев, которые не все погребаемы бывали, но иные оставались в пищу воронам; *головицина* – сбор с каждого человека при проездах; взыскание или пошлина с жителей той местности, где найдено *мертвое тело*» [Полный церковно-славянский словарь 1993: 127].

Таким образом, проведенный этимологический и этнолингвистический анализ дает нам основание предположить, что на месте погребения заложных покойников, т.е. *головы*, или иначе, *убитого* (на перекрестках дорог, в естественных земляных ямах, в местах под корнями вывернутых ураганом деревьев, дырах в земле, каменоломнях, глубоких оврагах, болотах и т.д.) ставили *голубец* (деревянный памятник в виде избушки, креста-часовенки), сигнализирувавший проходящим людям об особом статусе данного места: здесь было «побоище», «глубокая яма», в которой лежит *убитый, голова*: *Где человека-то убитого нашли, там голбчик поставили*. По всей видимости, происходит перенос значения с названия убитого человека (*головы*) на название места (ямы), где его похоронили (*голубец, голобец, голбчик*), и на название предмета, указывающего на место нахождения этой ямы. Отсюда и появилось название *голубец (голобец, голбец, голбчик* и др.) в значении «яма под домом, подполье», «памятник надгробный в виде «развилкового отрубка дерева, стоящего развилками кверху и покрытого вверху кровелькою», под

которую «в развилочках голубца, лежала голова» [Малыхина 2012: 85].

Этимологический анализ многочисленных наименований *соловья* (*бульбуль*, *вара'куша*, *вара'кушка*, *горобе'ц*, *горо'бка*, *горо'бчик*, *залива'йка*, *певу'н*, *пе'вень*, *спивуне'ц*, *пе'сенник*, *свисту'н*, *болту'н*, *болту'шка*, *пта'ха*, *пта'шка*, *пта'шечка*, *хлюст*) при работе над лексической картой № 304 «Соловей» позволил нам высказать предположение, что в семантической структуре всех названий присутствует сема 'звук', соловьи хорошо усваивают и имитируют чужие звуки:

- *бульбуль*: согласно данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера слово «*буль-буль*, *булькать* – междометие, звукоподражательное, ср. *бултых*, *бултыхнуть* – звукоподражание, аналогично калм. *bul* «о клокотании воды», русск. *буль*, *буль* и т. п., Преобр. 1, 52» [Фасмер 1996: 1: 239-240];

- *болтун*, *болтушка*: у П.Я. Черных: «словен. *bolt* – «пучина»; также польск. диал. *belt* – «водоворот»; *болтати*, *болтовня* (в знач. «болтливый человек»), о.-с. форма, возможно, **bьltati*, первоначально – о жидкости, о воде, звукоподражательное (ср. *бултых*, *булькать* и т. п.)» [Черных 2004: 1: 102];

- *горобец*, *горобка*, *горобчик*: согласно данным Этимологического словаря русского языка М. Фасмера лексема *горготать* имеет значение "громко смеяться, гоготать", др.-русс. *гъркати* "ворковать", словен. *grkati* "пронзительно кричать", *grčati* "ворковать", чеш. *hrčeti* "греметь", *hrkati* "трещать, храпеть", словц. *hrkat'*, *hrčet'*, *hrkotat'*, н.-луж. *gjarcys* "кричать, стучать". Звукоподражание, как и др.-инд. *ghurghuras* "*булькающий звук*"; см. Бернекер 1, 370; Голуб 67 [Фасмер 1996: 1: 441];

- *варакуша*, *варакушка*: по М. Фасмеру *варакушка* – это «род певчей птицы, родственно *ворковать* или *врать*, из **вьрати.*, лтш. *vervelet* «бубнить, быстро тараторить» (из **verver-*); лит. *vardas* «название», лтш. *vārds* – то же, др.-прусс. *wirds* «слово», лат. *verbum*, гот. *waúrd* «слово», важно иметь в виду, что слово *врать* только великорусск., поэтому целесообразнее видеть в нем новообразование, как это и делают Хольмер, объясняющий его на основе *врѣти* «кипеть» [Фасмер 1996: 1: 274: 361], сравним с лексемой «*вар* – «*кипящая вода*», *вьрю* – «кипеть», сл. *věrti*; *vrôc*, *vrocina*, *vrêlec*, *vretina* – «источник»; η. *wrzec* – «кипеть», «кипятиться»» [Фасмер 1996: 1: 356];

- *заливайка*: сравним у М. Фасмера глаголы *лить*, *лью*: укр. *літи*, блр. *ліць*, ст.-слав. *лити*, сербохорв. *лиѣти*, словен. *líti*, чеш. *líti*, словц. *lejem*, др.-польск. *lić*, праслав. **lějō*, **liti* родственно лит. *líeju*, *líeti* "лить", *lỹja*, *lýti* "идти (о дожде)", *lytùs* "дождь", лтш. *līt*, *līstu* "изливаться, струиться", *liêt*, *leju*, *lēju* "лить", др.-прусс. *pralieiton* "пролитое", *islīuns* "вылитый", алб. *lisë*, *lysë* "ручей", также греч. *λείβω* "капаю, лью" [Фасмер 1996: 2: 504];

- **свистун**: ср. русск. *свистать, свистеть, свищу*, укр. *свистати, свищу*, словен. *svískati* «шипеть, **брызгать**» [Фасмер 1996: 3: 580-581];

- **хлюст**: ср. у М. Фасмера *хлюстать, хлюпать*, плюхать по лужам, подметать подолом грязь ", чеш. диал. *chl'ustnút'* "**выплеснуть**", польск. *chlustać* "**плескаться**". По-видимому, звукоподражание. Ср. укр. хлюп! – междометие, передающее плеск [Фасмер 1996: 4: 248];

- **певун, певень, спивунец**: ср. у М. Фасмера лексемы *пою, петь*, диал. *пею, пеешь*, др.-русс. *пѣти*, словен. *pěti, rójem*, чеш. *pěti, pěji, zpívati*, слов. *spievat'*, польск. *pieć, pieje, śpiewać*, др.-польск. *pieć, роје*, в.-луж. *spřěwać*, н.-луж. *spřіwać*. Отсюда певец, петух, песня [Слав. *pěti*, ројо должно объясняться как первонач. каузатив от глаг. *piti*, русск. *пить*, ср. тождество форм пою "даю пить" и пою "издаю голосом музыкальные звуки". Переход значений "поить" > "петь, воспевать" восходит, т. обр., к языческому обряду жертвенного **возлияния**. Ср. родство др.-инд. *juhóti* "**льет**" и *hávātē* "**призывает**". См. Трубачев, ВСЯ, 4, 1959, стр. 135 и сл.; то же см. "Slavistična Revija", 11, 1958, стр. 225 и сл. – Т.] [Фасмер 1996: 3: 350].

Таким образом, мы видим, что соловьи чаще всего имитируют звук льющейся воды, 'булькающий звук': *Соловей красиво свистает, будто вода переливается*. И это не случайно, ведь любимыми местами соловьев являются поросшие кустами долины рек, полевые болота и вообще всякого рода кустарники вблизи проточной воды: небольшой ключик или лесной родничок, струйка текучей воды, покрытая влажной прелой листвой [Малыхина 2013: 358-359].

При создании лексической картой № 76 ЛАРНГ «Растущее дерево» нами было установлено, что в курских говорах наименования «растущего дерева» в основном номинируются лексемами *дѣрево* (все районы Курской области), *дрѣво* (Льговский район), *дѣрева* (ж.р.) (Фатежский, Золотухинский, Щигровский, Льговский, Кореневский, Солнцевский, Суджанский, Большесолдатский районы) *древ* (м.р.) (Курский район), *дереві́на* (Касторенский, Советский, Рыльский, Суджанский, Беловский районы), *вѣрба* (Льговский, Курчатовский районы), *вѣтки* (Фатежский, Советский, Медвенский, Солнцевский, Обоянский районы). Эти же самые лексемы распространены на большей территории русских народных говоров.

В Этимологическом словаре славянских языков под редакцией О.Н. Трубачева находим «**dervo*: ст.-слав. *дрѣво* ср. р., *arbor, lignum* 'дерево'» [Этимологический словарь славянских языков 1974: 211].

В Русском этимологическом словаре под редакцией А.Е. Аникина отмечено, что лексема *арбор* в вост.-слав. и болг. из итал. *albero*, также *arbore, arbor, arbol, alboro, albor* собств. 'дерево' [Аникин 2007: I: 264].

В латинско-русском словаре указано, что лексема *arbor* имеет архаичную формы *arbors, oris* «дерево», *origo* «род», *orior* 'зарождаться,

вставать, восходить, появляться, вырастать, подниматься' [Латинско-русский словарь 2005: 71: 543].

В словаре М. Фасмера читаем: «допустимо думать, что слав. слово *pod* родственно арм. *ordi* «сын», хетт. *hardu-* «правнук» и восходит к и.-е. **ǵordh* – «высокий, выросший», сюда же *pacmí*, лат. *arbor* «дерево», др.-инд. *vrādhant-* «поднимающийся», *vārdhati* «растет, умножается», авест. *vərəδaiti* «растет» [Фасмер 1996: 3: 491].

Лексемы с древнейшими корнями *-orb-* (*-urb-*, *-urv-*, *-urd-*, *-urt-*, *-ord-*, *-erd-* и др.) обнаружены в диалектных источниках, например, *orbón* – «вывороченные корни дерева» [Словарь русских народных говоров 2003: 23: 330]; *урбыш* – «молодой побег, поросль на дереве», «шишка на ольхе» [Мызников 2003: 122]; *вурбыш* – «почка любого дерева» [Мызников 2003: 122]; *кóрба* – «лес на возвышенности», «густой еловый лес», «хвойный лес из небольших деревьев», «густой труднопроходимый лес», «частый труднопроходимый кустарник», «чаща» [Мызников 2003: 231-232: 265]; *корьб* – «еловый лес на низменном месте» [Мызников 2003: 233]; *корбовина* «частый густой лес» [Мызников 2003: 234]; *кóрботь* – «бурелом» [Мызников 2003: 234]; *сурд* – «роща», «кустарник, заросли» [Максимов 2007: 63]; *сурт* – «лес одного рода»; *урба*, *урбыш*, *урбушка*, *вурба*, *урва* – «почки березы, шишки ольхи» [Мызников 2003: 123]; [Максимов 2007: 63].

В курских говорах лексема *верба* (ср. *урба*, *вурба*, *урва*) – это «название любого растущего лиственного дерева», ср.: *Верба – и береза, и липа, и клен* [Словарь курских говоров 2004: 2:32].

Словарь В. Даля указывает на то, что «*вёрба* – название дерев множества видов: ива, ветла, лоза, бредина, ракитник, молокитник, шелюга, шелюжина, краснотал, белотал, тальник, ломашник; чернотал, чернолоз, сивый тальник, нвг. *вёрбина*. В Астрх. говор. *вёрба* вместо дерева вообще, в Питере березка и елка, а в др. мест. дубок [Даль:1989: 1: 178].

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона также отмечается, что «в некоторых местностях название '*верба*' дают и другим растениям» [Брокгауз 2006: 183].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» находим: *верба* – кустарник или дерево, в народной культуре символизирующие быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие [Славянские древности: 1995: 1: 333].

У древних славян *верба* символизировала первоисточник сотворения мира, Древо Жизни. В России верба как символ весны заменила священные пальмовые ветви (листья вайи) в праздник памяти входа Иисуса Христа в Иерусалим [Энциклопедия символов 2006: 733].

В церковно-славянском словаре находим «*верба* – дерево, подобное ивѢ или ветлѢ, обыкновенно растущее на влажныхъ мѣстах; вѣтви этого дерева вмѣсто ваи употребляются у насъ въ недѣлю Ваи на утрени. На

вербѣихъ посредѣ его. Ваѣа = вѣтви (пальмовыя). (по Остр. ев. вѣѣе или вѣѣи, по другим вѣѣа) [Полный церковно-славянский словарь:1993: 71].

Таким образом, *вай* значит собственно *ветвь*.

В этимологическом словаре М. Фасмера читаем: *вѣрба*, укр. *верба́*, др.-русс. *вьрба*, ст.-слав. *врѣба*, болг. *врѣба*, сербохорв. *врѣба*, чеш. *vrba*, словц. *vṛba*, польск. *wierzba*, в.-луж. *wjerba*. Родственно лит. *virbas* «прут, стебель» [Фасмер 1996:1: 293]. Ср., др.-русс. *прутъ* «прут», словен. *prôt*, полаб. *pröt*. Вероятно, первонач. «ветвь», родственно **prođь-* «течение», др.-исл. *spretta* «прорасти, вскакивать, брызгать» [Фасмер 1996: 3: 390].

Прут буквально – «ветка, побег», ср. *отпрыск*, *побеги*; *отпрыскивать* «давать молодые побеги», исходное *прыск* – брызги » [Шанский 1994: 219: 260]. Ср., *ветвь*, *вѣтка*, укр. *віть*, др.-русс., ст.-слав. *вѣтвь*, болг. *вѣтка*, *вѣтва*, *вѣя*, словен. *vêja*, чеш. *větev*, словц. *větev*, польск. *witwa* «ива». Родственно др.-прусс. *witwan* «ива», греч **voituvā* «ива», авест. *vaēiti-* «ива», сюда же *вью*, *вить* [Фасмер 1996: 1: 306].

Таким образом, лексемы *дерево*, *род*, *верба*, *ветвь*, *ива*, *прут*, *лоза*, *ветла*, *росток*, *поросль*, *роща* и другие, производные от них, являются этимологически родственными. В них заключено единство «рода» и «роста», что позволяет показать целостность картины мира, где все рождается, растет, развивается, меняется и находится в постоянной взаимосвязи.

Таким образом, этимологический анализ рассмотренных выше лексем показывает, что с течением времени многие слова теряют свои прежние мотивационные связи под влиянием фонетических, словообразовательных и семантических изменений, экстралингвистических факторов, которые часто выступают совместно, тем самым ускоряя процесс деэтимологизации.

Библиографический список

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а – аяюшка) / Ин-т рус. яз. Им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: ЭКСМО, 2006.

Губернские ведомости 1901 г. № 110

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1–4.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки (1916). – М.: Издательство «Индрик», 1995. – С.259-260.

Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (Куль покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные

труды. Статьи по духовной культуре. 1903–1913. – М.: Издательство «Индрик», 1994. – С.249-251.

Зорин А.В. «Городские известия» №106 от 03.09.2002 г.

Латинско-русский словарь. – М., 2005.

Лексический атлас русских народных говоров. – СПб.: Наука, 2004.

Максимов С.А. 'Лес' в удмуртских говорах: Диалектологическая карта и комментарий / С.А. Максимов // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2 (2).

Малыхина Т.М., Писарева Л.Е. Этимология лексемы голубец (на материале уникального поминального обряда Курской губернии). // Курское слово, вып.9. – Курск, 2012.

Малыхина Т.М., Писарева Л.Е. Лексемы с общим названием «растущее дерево» в курских народных говорах (этимологический аспект). // Лингвофольклористика, вып. 19. – Курск, 2012.

Медведьев П.П. Священный правитель и общество. 2007.

Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2003.

Полный церковно-славянский словарь. – М.: Московский патриархат, 1993.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-2. М., 1959.

Славянские древности: этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Том 2 Т. Д-К. – М.: Международные отношения, 1999.

Словарь курских говоров. Вып. 2 (в-вахленный) / Курский государственный университет. – Курск: Изд-во Курск. госуд. ун-та, 2004.

Словарь русских народных говоров. Тт. 1-41. М., Л., Спб., 1965-2007.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1-4. СПб.: Терра – Азбука, 1996.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 9-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа; Дрофа, 2009.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.